

ББК 81.411.2

Л.И. Шелепова

Диалектное словообразование и этимология русского слова*

L.I. Shelepova

Dialect Word Formation and Etymology of Russian Word

Рассматривается проблема взаимосвязи исторического и диалектного словообразования. Анализируется роль диалектных данных в реконструкции древнейшей структуры слов современного русского литературного языка. Решается задача словообразовательного анализа слов в диалектном этимологическом словаре.

Ключевые слова: диалектное словообразование, этимология, диалектный этимологический словарь.

The problem of historical and dialect interplay of word formation is considered in the article. The author analyses the role of dialect data in the reconstruction of ancient structure of modern Russian literary language. The problem of word formation analysis in the dialect etymological dictionary is solved.

Key words: dialect word formation, etymology, dialect etymological dictionary.

Вопрос о значении диалектных данных для словообразовательных реконструкций (этимологии русского слова) впервые ставится в отечественной русистике во второй половине XIX в. в связи с выходом в свет «Словаря областных речений великорусского наречия» (СПб., 1852). Причем наиболее отчетливо мысль о возможности и необходимости использовать при объяснении структуры общерусских слов данные русских народных говоров прозвучала в работах Ф.И. Буслаева, П.А. Лавровского, Я.К. Грота, которые изучали словообразование в историко-генетическом плане и потому особое значение придавали сходным чертам в словообразовании диалектов и древнерусского языка [1, с. 129]. П.А. Лавровский, в частности, писал: «Пользуясь <...> полною свободой словосложения, древний язык был еще далек от того забвения простых слов, которое установилось в современном языке. Многие из существующих имен нами употребляются в сложном виде, тогда как простые давно вышли из памяти народной <...>. Быть может, многие из этих и подобных существительных живут и до сих пор в разнообразных говорах народных» [2, с. 280].

Наблюдения ученых XIX в. над ролью диалектного материала в установлении древнейшей структуры слов современного русского литературного языка интересны и сохраняют свое значение до настоящего времени. Однако проблема взаимосвязи исторического и диалектного словообразования во времена Ф.И. Буслаева и Я.К. Грота не могла быть поставлена со всей серьезностью и решена во всей полноте. Этому препятствовал ряд хорошо известных обстоятельств: недостаточно высокий уровень диалекто-

логии, которая в XIX в. как особая лингвистическая наука еще не получила прав гражданства; неразработанность методики словообразовательного анализа и теоретического словообразования; отсутствие диалектной морфемики и диалектного словообразования, которые как самостоятельные научные направления определились лишь во второй половине XX в. [3, с. 4]. К тому же вопросы словообразовательных реконструкций, последовательного словообразовательного анализа в этимологических разысканиях (т.е. вопросы, в решении которых могли быть использованы данные диалектов и диалектного словообразования) перед историками языка в XIX – начале XX в. по-настоящему еще не стояли, так как тогда (и вплоть до середины XX в.) в индоевропейском, и в частности славянском, языкознании довольно широкое распространение получила так называемая «корнеотсылочная» этимология, основывающаяся на фонетических соответствиях в корне и на более или менее правдоподобно установленных семантических связях между сопоставляемыми словами. Ю.В. Откупщиков пишет в связи с этим: «Разумеется, словообразовательная сторона этимологии при этом также принималась во внимание, но ей обычно отводилась лишь второстепенная, подчиненная роль в этимологических исследованиях этого типа» [4, с. 6–7].

На вторую половину XX в. приходится подлинный ренессанс этимологии. В это время заново осмысливается теоретический фундамент данной науки, формируется комплексная методика этимологического анализа слова «с учетом всех его сторон: формальной, семантической, исторической, географической,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №12-14-22001).

со стороны контекста, включая историю денотата» [5, с. 6]. Приходит осознание того, что этимология – это наука не только «берущая», использующая для решения своих задач и реализации комплексной методики знания во всех (многих) отраслях, накопленные человечеством, но и «дающая», позволяющая через слово (реконструкцию его внутренней формы) представить фрагменты языковой картины мира древнего человека, особенности его магического (мифопоэтического, мифотворческого) сознания, элементы материальной и духовной культуры этноса в ее эволюции.

В современной комплексной методике этимологического анализа одно из ведущих мест занимает словообразовательный аспект, целенаправленная разработка которого приходится на 50–60-е гг. XX в. (в трудах таких российских ученых, как Н.М. Шанский, Ю.В. Откупщиков, О.Н. Трубачёв, Ж.Ж. Варбот и др.). О.Н. Трубачев в своей работе так определил «ход внутреннего развития этимологии»: «...от исключительного внимания к корню <...> через спорадический учет суффиксальных, словообразующих морфем – к этимологии лексемы с первоочередным учетом словообразовательной модели, словообразовательных морфем» [6, с. 9].

Итак, с середины XX в. наблюдается возрастание роли словообразовательного анализа в процессе этимологического исследования и, как следствие этого, актуализация значения диалектных данных в качестве одного из источников словообразовательных реконструкций.

Целью словообразовательного анализа в этимологическом исследовании признается установление исходной словообразовательной структуры объясняемых слов. Под словообразовательной структурой в данном случае понимается деривационная история слова, т.е. «совокупность структурно-семантических отношений производящих и производных основ (слов) не только звена, непосредственно участвовавшего в образовании этого слова, но и всех остальных звеньев, предшествовавших ему» [7, с. 21].

Как показал анализ, значимость диалектных данных (диалектного словаря и диалектного словообразования) для словообразовательных реконструкций при установлении происхождения русского слова заключается в следующем.

1. С помощью диалектных лексических единиц, сохранивших, в отличие от своих литературных параллелей, первообразную (безаффиксную) форму, можно восстановить непосредственно производящие для слов, переживших в литературном языке опрощение и деэтимологизацию, и тем самым выявить так называемую поверхностную словообразовательную структуру литературных лексем, созданных в русском языке на первой ступени словообразования и утративших в ходе исторического развития связь с «базовыми основами». Здесь учитывается такая специфическая чер-

та диалектного словообразования, как архаизация словообразовательной структуры некоторых диалектных лексем (осознание их производности в связи с сохранением в говорах в употреблении корневых слов). На данную диалектную особенность обратили внимание еще языковеды XIX в. Так, Ф.И. Буслаев писал о том, что в местных наречиях современного русского языка сохраняются «формы, от которых происходят общеупотребительные с окончаниями» (например, *вен, сверчь, ряхая, касть, бава, клюжий*, давшие *венок, сверчок, неряха, пакость, забава, неуклюжий*) [8, с. 94].

2. Привлечение лексического материала русских говоров способствует реконструкции «глубинной» словообразовательной структуры (собственно деривационной истории) слов, являющихся результатом словопроизводства на 2-й, 3-й, 4-й и прочих ступенях. Основным методом историко-словообразовательного анализа лексем, к которым от исходных слов ведут многоступенчатые связи, является метод построения словообразовательных цепей, образуемых генетически родственными словами, последовательно связанными друг с другом отношениями производности [7, с. 196]. Особенности построения словообразовательных цепей обусловлены важнейшей закономерностью русского словопроизводства – его ступенчатым характером, который проявляется в том, что «в процессе словопорождения словообразующие аффиксы присоединяются к непроемкой форме – корню в строгой последовательности по законам нанизывания их на корень слова» [7, с. 276]. Обращение к лексическому материалу говоров позволяет в данном случае выполнить одно из важнейших требований, предъявляемых к анализу словообразовательной структуры слова, – учесть последовательность словообразовательных процессов.

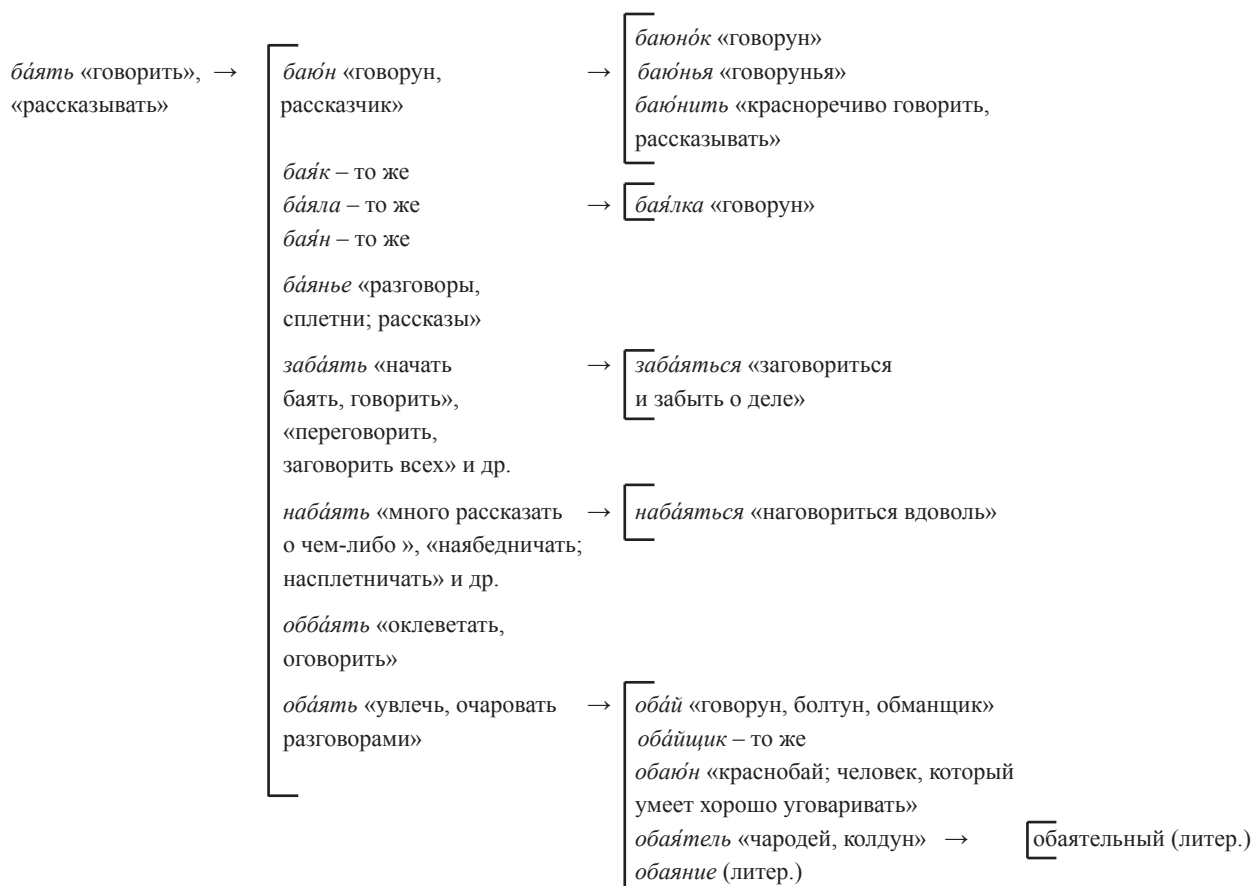
Например, современное прилагательное *обаятельный* представляется производным от существительного *обаятель*, которое В.И. Даль толкует следующим образом: «чародей, колдун; умеющий овладеть умом и волею другого, очаровать его». [9, т. II, с. 567]. *Обаятель*, в свою очередь, могло быть произведено от глагола *обаять*, который фиксируется в русских говорах с разными значениями, в том числе и со значением, близким к этимологическому: «увлечь, очаровать разговорами». *Обаять* – префиксальный дериват от глагола *баяти*, который в древнерусских текстах встречается в значении «выдумывать, рассказывать (сказки, небылицы)», а в русских диалектах (в форме *бáять*) – в значении «говорить». «Местами, – пишет В.И. Даль о диалектном глаголе *бáять*, – употребляется в старинном значении “шептать, зашарить, заговаривать” [9, т. I, с. 39]. С тем же кругом значений («говорить», «рассказывать», «заговаривать, лечить») глагол *бáять* отмечается в других славянских языках. Родственные формы в индоевропейских языках выявляются со значениями: «слово», «голос», «говорить» [10, вып. 1,

с. 138–139]. Таким образом, возникновение русского прилагательного *обаятельный* (по этимологическому смыслу – «очаровывающий словом») связано с представлением о магической, чудодейственной силе слова. Словообразовательный процесс, в результате которого образовалось прилагательное *обаятельный*, реконструируется (в основном на диалектном материале) следующим образом: *баяти* (*баять*) > *обаять* > *обаятель* > *обаятельный*.

3. Достоверности и доказательности словообразовательных реконструкций способствует не только учет данных диалектного словаря (разного рода архаизмов), но и опора на особенности *диалектной словообразовательной системы*. В настоящее время доказано, что словообразование в говорах, совпадая в своей основе с системой словопроизводства литературного языка, имеет и свои отличительные особенности, которые охватывают все стороны деривационной системы.

Так, например, специфичной для говоров оказывается такая единица словообразовательной системы, как *словообразовательное гнездо*. Замечено, что ди-

алектам свойственна широкая система словообразования в пределах однокоренных слов, нередко более многочисленных и разнообразных, чем в литературном языке. Помещение лексемы, известной в современном литературном языке с опрощенным морфемным составом, в диалектную словообразовательную «семью», существование которой в говорах объясняется сохранением лексических архаизмов, выпавших из системы литературного языка, возникновением инноваций, искони характеризующихся территориальной ограниченностью в употреблении [11, с. 158], может способствовать выявлению ее исходной словообразовательной структуры. Тем более, что методикой словообразовательного анализа при определении словообразовательной структуры слова предусматривается «всесторонний анализ слов в широком лингвистическом контексте» [12, с. 42]. Такой контекст для каждого анализируемого слова в данном случае представляет словообразовательное гнездо, все члены которого являются структурно и семантически зависимыми друг от друга (в том числе и с исторической точки зрения). Приведем иллюстрацию.

Фрагмент диалектного словообразовательного гнезда с вершиной (базовым словом) *баять*

Выше были представлены звенья словообразовательного процесса, в результате которого в русском языке возникло прилагательное *обаятельный*. Рассмотрение данного прилагательного на фоне фрагмента диалектного словообразовательного гнезда делает предложенную реконструкцию еще более убедительной¹.

Как видно из приведенной схемы, словообразовательную парадигму первой ступени словопроизводства на базе глагола *баять* составляют суффиксальные дериваты (*баю́н, бая́к, ба́яла, байн* – «говорун, рассказчик», *бая́нье* «разговоры, сплетни; рассказы») и префиксальные дериваты (*заба́ять* «начать говорить; заговорить всех», *наба́ять* «много рассказать о чем-либо», *обба́ять* «оклеветать, оговорить», *обба́ять* «увлечь, очаровать разговорами»). В словообразовательную парадигму второй ступени словопроизводства входят в том числе такие наименования лиц, как *оба́й* и *оба́йщик* «говорун, болтун, обманщик», *обаю́н* «краснобай; человек, который умеет хорошо уговаривать», *обая́тель* «чародей, колдун». Прилагательное *обаятельный* относится к дериватам третьей ступени словопроизводства.

Заметим, что использование диалектных данных в качестве полноценного источника словообразовательных реконструкций (и этимологии вообще) именно во 2-й половине XX в. стало возможно еще и потому, что в это время поистине небывалого размаха достигает составление областных словарей. Пожалуй, на сегодняшний день не осталось ни одного региона России, народная речь которого не подверглась бы лексикографическому описанию. Чрезвычайно важным для этимологии явилось составление сводного «Словаря русских народных говоров» [13] (о чем много писалось).

Как было уже отмечено, на вторую половину XX в. приходится расцвет этимологии. Это выразилось в том числе и в создании этимологических словарей русского и других славянских языков. В России в это время готовятся и публикуются важнейшие этимологические словари: русский перевод «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [14], выпуски «Этимологического словаря русского языка» под ред. Н.М. Шанского [15], «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных [16], «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О.Н. Трубачёва (1-й выпуск вышел в 1974 г.) [10].

Примечательной особенностью современной русистики является создание региональных этимологических словарей. Среди наиболее значимых проектов в этой области (разрабатываемых или уже осуществ-

ленных) могут быть названы: «Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» А.Е. Аникина [17], «Этимологический словарь севернорусских говоров» А.С. Герда [18], «Словарь финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» А.К. Матвеева [19], «Тематический этимологический словарь русских говоров Северо-Запада. Финно-угорские, балтийские и тюркские заимствования» С.А. Мызникова [20], «Этимологический словарь русской (в основном сибирской) экспрессивной лексики» Б.Я. Шарифуллина [21].

В этом же ряду словарей может быть представлен и создаваемый коллективом авторов Алтайского государственного университета (Барнаул) «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая». В настоящее время подготовлены и опубликованы шесть выпусков словаря, в которых содержится историко-этимологическое объяснение около 6 тысяч русских диалектных слов на буквы А–Н: *абáбки* – *набура́нить*, зафиксированных на современной территории Алтайского края и Республики Алтай [22].

Одной из отличительных особенностей данного словаря является привлечение для объяснения *всех* диалектных слов, отмеченных на территории региона, – исконных и заимствованных, производных и непроизводных, с прозрачной внутренней формой и непрозрачной. Включение слов с прозрачной внутренней формой обусловлено спецификой данного словаря и его задачами: установить не только (и не столько) «дальнюю» этимологию лексических единиц русских говоров Алтая, но и их историю и генетическую принадлежность материнским говорам. Кроме того, внимание к производному слову объясняется еще и тем, что оно (как доказала в своих работах Т.И. Вендина), будучи словообразовательно маркированным, «позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учетом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами» [23, с. 44–45]. В соответствии с установками антропологической лингвистики, «словообразовательная детерминация довольно избирательна и словообразовательному маркированию подвергается лишь то, что оказывается значимым для носителей языка» [23, с. 45].

Широкая представленность в «Историко-этимологическом словаре русских говоров Алтая» производной лексики делает актуальной задачу словообразовательного анализа объясняемых слов. С этой точки зрения оказалось возможным выделить следующие группы.

1. Среди вошедших в «Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая» производных слов немало таких, которые унаследованы из праславянского языка и, следовательно, могут быть объяснены с учетом особенностей (моделей) праславянского

¹ Диалектный лексический материал, «комплектующий» нижеследующее словообразовательное гнездо, извлечен из «Словаря русских народных говоров» [13]. Локальные пометы в целях экономии места не приводятся.

словообразования. Например, глагол *бáбить* в русских говорах Алтая означает «принимать роды». Восходит к праслав. **babiti* (ср. болг. *бáбѣ*, макед. *баби*, сербохорв. *bábitи*, словен. *babiti*, чеш. *babiti*, слов. *babit'*, в.-луж. *babíć*, укр. *бáбити*, блр. *бáбіць* – «помогать при родах, быть повитухой»), которое является глагольным производным регулярного вида с суфф. *-iti* от **baba* в значении «повитуха, знахарка» [10, вып. 1, с. 110]. *Бучáло* в русских говорах Алтая – «яма с бурлящим водоворотом после небольшого порога, водопада». Восходит к праслав. **bučadlo* (ср. болг. *бучáло* «впадина, углубление, где скапливается дождевая вода», макед. *бучало* «водопад», сербохорв. диал. *бу́чало* – то же, укр. диал. *бучáло* «водоворот, глубокая яма, которая весной наполняется водой и не высыхает даже летом»), производному с суфф. *-(a)dlo* от глагола **bučati*, образованного, в свою очередь, от звукоподражательной основы [10, вып. 3, с. 73–74] и многие другие.

2. Значительную часть объясняемых в «Историко-этимологическом словаре русских говоров Алтая» слов составляют внутриязыковые (собственно русские) дериваты (как исконные, так и заимствованные по своим этимологическим истокам), образованные по регулярным общерусским моделям словообразования.

Таковыми являются, например, слова: *бабовáтый* «похожий на женщину; женоподобный», производное с суфф. *-оват-* от *бáба*; *багáнить* «стреноживать лошадь, надевая на нее *баган*», производное с суфф. *-и(ть)* от *багáн*, заимствованного из тюркских языков [17, с. 107]; *басотá* «украшение», производное с суфф. *-от(a)* от *басá* «красота, украшение», не совсем ясно в этимологическом отношении [10, вып. 1, с. 160–161]; *базíлковый*, производное с суфф. *-ов-* от *базíлка* «название домашнего цветка» – из *базилик*, заимствованного из латинского языка [15, вып. 2, с. 10]; *банду́рка* «балалайка», производное с суфф. *-к(a)* от *банду́ра*, заимствованного из польского языка в Петровскую эпоху [14, т. 1, с. 120] и др.

3. Особого внимания заслуживают те слова, которые, являясь собственно русскими по своему этимологическому характеру, образованы по моделям, свойственным только диалектному словообразованию либо отличающимся от соответствующих моделей литературного языка большей регулярностью и продуктивностью. Последнее обстоятельство связано с тем, что «словообразование в русских народных говорах более подвижно, более свободно, чем словообразование в литературной форме языка <...> та или иная словообразовательная модель в диалектах может служить для образования другого, иногда более широкого круга слов» [24, с. 32]. Например, слово *блудéнь* в значении «о том, кто не сидит дома, любит погулять» является производным с суфф. *-ень* от *блудíть*. В современном русском литературном языке (разговорной его разновидности) известны единичные слова, образованные

по данной модели («основа глагола, обозначающая характерное для человека действие, + суфф. *-ень*»): *бáловень*, *сидéнь*, *ува́лень*. В говорах данная модель проявляет большую регулярность, ср.: в волог. говорах *вы́сказень*, *о́гворте́нь* «упрямый человек», *о́колоте́нь* «тот, кто околачивается, бездельничает», *пóвороте́нь* «подвижный человек» [25, с. 148–149]; в других говорах: *бо́лмоте́нь* «тот, кто бормочет, говорит невнятно», *бо́лте́нь* «враль, болтун, пустомеля», *булгáте́нь* и *булгáте́нь* «тот, кто поднимает шум, затевает ссору», *брéде́нь* «тот, кто часто говорит неправду, нелепость, вздор», *лэ́же́нь* «лентяй, лежебока», *тэ́ле́пень* «неповоротливый, неуклюжий человек» [13] и др.

4. В словообразовательной структуре объясняемых в «Историко-этимологическом словаре русских говоров Алтая» слов отразилось явление, называемое некоторыми исследователями структурной ремотивацией. Структурная ремотивация встречается в первую очередь в говорах и представляет собой, по определению О.И. Блиновой, «процесс обретения словом структурной мотивированности на основе установления им отношений структурной мотивации. Структурная соотносительность лексических единиц обычно осуществляется на базе конца слов и того категориального значения, которое имеет мотивационная модель с определенным концом слова» [26, с. 207]. Считаем, что структурная ремотивация представлена в следующих словах русских говоров Алтая: *акáтник* «акация» – образовано от *акáция* под влиянием других названий растений, в том числе кустарников, с суфф. *-ник* в русском языке, ср.: *во́лчегóдник*, *лишáйник*, *молоча́йник*, *терно́вник*, *шипóвник* и др.; *бегу́н* «скаковая лошадь, участвующая в бегах» и *бегу́нец* – с тем же значением, образованное по продуктивной модели с суфф. *-ец*, ср.: *беглэ́ц*, *бо́ец*, *жне́ц*, *сорва́нец*, *стрелэ́ц*, *творэ́ц* и др.; *беспоря́д* «беспорядок» и *беспоря́дица* – с тем же значением, ср. одноструктурные образования с суфф. *-иц(a)*, передающим отвлеченное значение: *междоусо́бица*, *разла́д* и *разла́дица*, *нескла́дица*, *неуря́дица*, *несура́зица*, *бессмы́слица*, *пу́таница*, *нелéница* и др.; *гонча́рник* – от *гонча́р* по продуктивной модели названий деятеля с суфф. *-ник*, ср.: *огоро́дник*, *ружéйник*, *ры́бник*, *сапо́жник* и др.; скупой человек, скряга в русских говорах Алтая называется *жмут* – из *жмот*, под влиянием, возможно, *плут*, *баламу́т*, *шалопу́т* и т.п. Как пишет О.И. Блинова, «процесс структурной ремотивации охватывает слова разных лексико-грамматических разрядов. Так, в разных говорах русского языка воздействию этого процесса подвержены субстантивированные прилагательные, которые, в отличие от собственно существительных, не обладают достаточной выраженностью категориального значения» [26, с. 207–208]. Вероятно, по этой причине в русских говорах Алтая возникли слова *домови́к* и *домову́шка* в соответствии с литературным *домово́й*.

Представленный материал является еще одним доказательством актуальности разработки проблем диалектного словообразования, составления разного рода морфемных и словообразовательных сло-

варей на материале различных говоров русского языка, которые станут хорошим подспорьем для этимолога при установлении им происхождения русских слов.

Библиографический список

1. Порохова О.Г. К истории изучения словообразования в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. – М. ; Л., 1966.
2. Лавровский П.А. Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем русском языке // Известия ОРЯС. – СПб., 1853. – Т. 2.
3. Шаброва Е.Н. Морфемика русских говоров : учебное пособие. – Вологда, 2006.
4. Откупщиков Ю.В. Очерки по этимологии. – СПб., 2001.
5. Гавлова Э. К методам этимологических исследований // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии : тез. докл. – М., 1984.
6. Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект, Пробные статьи. – М., 1963.
7. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка : курс лекций. – Самарканд, 1971.
8. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М., 1978–1980.
10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – Вып. 1–36. – М., 1974–2010.
11. Сороколетов Ф.П. Из истории лексики (слова с корнем *-лх-* в русских народных говорах и в литературном языке // Лексика русских народных говоров. – М. ; Л., 1966.
12. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968.
13. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–43. – М. ; Л.; СПб., 1965–2010.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–4. – М., 1964–1973.
15. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – Вып. 1–9. – М., 1963–1999.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. – М., 1994.
17. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М. ; Новосибирск, 2000.
18. Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры : межвуз. сб. – Вып. 8. – СПб., 2004.
19. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Вып. 1: А–И. – Екатеринбург, 2004.
20. Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование прибалтийско-финского происхождения. – СПб., 2003.
21. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири. – Красноярск, 1994.
22. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л.И. Шелеповой. – Вып. 1–6. – Барнаул, 2007–2012.
23. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – №4.
24. Демидова К.И. Проблемы изучения местных народных говоров (материалы для спецкурсов и факультативов). – Свердловск, 1976.
25. Романовская Г.А. Некоторые особенности словообразования имен существительных (на материале говоров Тотемского района Вологодской области) // Проблемы общего и русского языкознания. – М., 1972.
26. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – 2-е изд., стереотип. – Томск, 2007.